

На озере Осенней Луны они задержались гораздо дольше, чем рассчитывали. Всему виной было слабое здоровье Лоу Цинъяня. Лу Юй надеялся дождаться, пока тот хоть немного окрепнет, прежде чем пускаться в путь, однако больному не становилось лучше. Ждать полного выздоровления в этих краях можно было бесконечно.

В конце концов, несмотря на крайнюю слабость Цинъяня, они всё же тронулись в дорогу. Следовало лишь перетерпеть тяжелый переезд до горы Сюаньюань — там, в ордене, искусный в лекарском деле Второй боевой дядя наверняка сумел бы поставить его на ноги.

На следующее утро пышный императорский кортеж тронулся в путь. По дороге Лу Юй напутствовал Лоу Цинъяня:

— Второй боевой дядя теперь глава ордена. Смотри не вздумай по старой привычке называть его боевым дядей.

— Знаю, — кивнул Лоу Цинъянь.

Учителем их двоих был предыдущий глава ордена, ушедший в мир иной несколько лет назад. Тогда Лу Юй только-только получил собственный удел и покинул гору. Восстание ещё не началось, однако тетива уже была натянута до предела: малейшая искра могла разжечь пожар великой смуты.

Изначально в ордене желали видеть преемником именно Лоу Цинъяня. Однако тот понимал, что в скором будущем Лу Юю потребуется его верное плечо, а потому отказался от высокой чести. В итоге бразды правления принял их Второй боевой дядя, ставший новым главой.

Гора Сюаньюань высилась на самой западной границе империи Великой Ся. К северо-западу от неё лежали земли Государства Юэ, а на юго-западе вздымались укрытые вечной туманной пеленой вершины. Вокруг высились суровые, неприступные кручи, омываемые призрачной дымкой. Обитель ордена, затерянная среди этого каменного лабиринта, стояла особняком, скрытая от мирской суеты.

На сей раз Лу Юй прибыл со всей подобающей императору пышностью, что разительно отличалось от его прежних, тихих визитов на гору Сюаньюань. Главы всех залов и палат собрались вместе, а новый глава ордена — их Второй боевой дядя — стоял в самом центре, готовясь приветствовать священную особу монарха.

Лоу Цинъянь ехал в самой последней карете. Он терпеливо дождался, пока завершатся все торжественные церемонии у подножия, и лишь затем его экипаж медленно миновал горные ворота обители.

— Господин Лоу, дальше начинается горная тропа, повозкам туда не проехать. Пожалуйста,

спуститесь, — обратился к нему один из стражников.

Лоу Цинъянь медленно спустился на землю, опираясь о раму дверцы. Каждое движение давалось ему с трудом и выглядело скованным. Едва он встал на ноги и поднял голову, как обнаружил, что все собравшиеся смотрят прямо на него.

Лоу Цинъянь лично никого из них не знал, но системный интерфейс услужливо сопоставлял лица с именами, наводняя его разум чужими воспоминаниями и картинами прошлого. От этого чувство неловкости в груди становилось лишь острее.

В их прошлую встречу он был гордым, полным надежд юношей, пред которым лежали все дороги мира. Теперь же он вернулся бесправным пленником. Да и этот пышный, переполошивший всю округу визит затевался исключительно ради него одного.

Лоу Цинъянь тихонько откашлялся, пытаясь сохранить невозмутимый вид, и в сопровождении стражи двинулся вперёд. Впрочем, взгляд его то и дело невольно метался по сторонам.

Старейшины залов провожали его сложными, нечитаемыми взглядами. Казалось, они порывались заговорить с ним, но слова так и застывали на их губах. В итоге все ограничились натянутыми приветствиями и вежливыми банальностями, поспешив замять неловкость.

Процессия наконец углубилась на территорию ордена. Когда все предписанные этикетом церемонии подошли к концу, старейшины один за другим откланялись. Новый глава ордена обратился к Лу Юю, попросив о возможности поговорить с обоими названными братьями с глазу на глаз.

Пик Нефритовой Ясности

Покои главы ордена утопали в кружеве облаков и были окружены кольцом вековых сосен. Над обрывом далеко выдавалась деревянная терраса, на которой лежали подушки для медитации и высился изящный чайный столик.

— Ваше Величество, мы не виделись много лет. Позвольте нам поговорить по душам, без лишних ушей. Пусть слуги удалятся, — Второй боевой дядя поднял чашку и сделал крошечный глоток.

Почтение к императорской власти и придворный этикет никто не отменял, однако Второй боевой дядя, как и покойный учитель, относился к Лу Юю почти по-отечески. А потому и говорил с ним просто и прямо.

Лу Юй шевельнул пальцами, и затаившиеся в тенях теньевые стражи бесшумно растворились в

воздухе.

— Ваше Величество, скажу без утайки: старик до сих пор не до конца понимает ваши намерения, — лишь тогда Второй боевой дядя облегчённо вздохнул и поднял глаза на Лу Юя.

— Что же именно вам непонятно, глава? — спокойно спросил Лу Юй.

— Цинъянь ведь вырос на наших глазах. Вы и сами прекрасно помните, каким чистым и искренним он был в юности, — вздохнул старик. — Разумеется, я не пытаюсь его выгородить. Если его вина доказана, то любое наказание от руки Вашего Величества будет лишь заслуженной карой. И всё же... раз вы до сих пор не бросили его в Императорскую тюрьму Тяньлао, значит, старая привязанность ещё жива в вашем сердце?

Лу Юй хранил молчание.

— Уж простите старику его дерзость, ведь я в ордене Сюаньюань уже больше полувека. Насмотрелся на самых разных юношей и знаю наверняка: человеческая суть не меняется в одночасье. Быть может, за этим делом кроются некие тайные обстоятельства? Те, из-за которых вы и отпустить его на все четыре стороны не можете, но и карать по всей строгости закона не желаете?

Услышав это, Лоу Цинъянь внутренне вздрогнул и украдкой покосился на стоявшего рядом императора. Больше всего он боялся, что тот ляпнет какую-нибудь несусветную глупость в духе «я просто падок на его красоту».

Однако его опасения оказались напрасными. Вдали от Лоу Цинъяня император безукоризненно держал лицо — являл собой образец благородства, непреклонности и величия.

— От взора главы ничего не скрыть, — бесстрастно произнёс Лу Юй.

— Могу ли я узнать истинную причину? — замялся старик. — Весь орден глядит на Цинъяня... кто с жалостью, кто с досадой от того, что он не оправдал наших надежд. Сейчас его статус слишком двусмысленен. Братья втайне гадают: есть ли ещё хоть какая-то лазейка для прощения? Если же обратного пути нет, откройте мне правду, чтобы они раз и навсегда похоронили пустые надежды.

Второй боевой дядя подбирал слова с величайшей осторожностью. И всё же Лу Юй ответил резко, рубя с плеча:

— Никаких лазеек нет. Всё решено окончательно.

Не ожидая такой непреклонности, Второй боевой дядя осекся. Взгляд его потускнел, и он поспешно сделал глоток, пытаясь за ширмой этикета скрыть нахлынувшее смятение.

— Имя Лоу Цинъяня должно навсегда исчезнуть из придворных хроник, — ровным голосом продолжил император. — Верховный Жрец-Канцлер обязан умереть для всех. Но Лоу Цинъянь — мой названный старший брат — сохранит жизнь.

Лоу Цинъянь и сам опешил от подобного заявления.

— Ваше Величество хочет сказать... — медленно проговорил озадаченный старик.

— Я дарю ему жизнь, — Лу Юй глубоко вздохнул, — но для всего мира он должен умереть.

Глава ордена погрузился в глубокое молчание. Замолчал и Лоу Цинъянь: император впервые столь открыто озвучил свои истинные намерения.

Спустя долгое время Второй боевой дядя сокрушённо покачал головой.

— Что ж, будь по-вашему, — вздохнул старик. — Цинъянь с малых лет поражал всех своим выдающимся талантом. Предыдущий глава ордена предвидел, что этот мальчик не усидит в лесной глуши и непременно впишет своё имя в историю государства. Мы все тогда сокрушались, что он оставляет стезю самосовершенствования. Сгинуть на плахе из-за придворных козней — страшная судьба, но если он вернётся к истокам и посвятит себя духовному пути, это станет для него спасением. В таком случае, Ваше Величество, пусть Цинъянь остаётся у нас, на горе Сюаньюань...

— Исключено, — жёстко оборвал его Лу Юй.

— Но почему же? — растерялся Второй боевой дядя. — Если формально его больше нет в живых, возвращение к практикам поможет ему и дух укрепить, и не растратить попусту великий дар Судьбы Небесного Чертога.

По спине Лоу Цинъяня пробежал ледяной холодок — его охватило дурное предчувствие.

Лу Юй с самым невозмутимым и благородным выражением лица произнёс:

— Я просто не могу его отпустить...

Лоу Цинъянь среагировал мгновенно: рванулся вперёд и намертво зажал императору рот ладонью.

Второй боевой дядя лишился дара речи и уставился на них во все глаза.

Лу Юй кое-как вырвался из цепких пальцев Лоу Цинъяня.

— Вы... не можете его отпустить? — переспросил ошеломлённый старик.

— Он... кхм, Его Величество хочет сказать, что дорожит мной как старшим соучеником! Ха-ха-ха... — Лоу Цинъянь поспешил встрять прежде, чем император успеет продолжить. Смех вышел на редкость натянутым и сухим.

Лу Юй упрямо покачал головой.

Лоу Цинъянь едва ли не бился в тихой истерике, отчаянно подавая императору знаки глазами и строя страшные мины. Однако Лу Юй, казалось, начисто лишился способности понимать чужие намёки. Он со всей серьёзностью повторил:

— Я хочу, чтобы старший брат оставался подле меня.

— Но как это возможно? — окончательно запутался старик. — Вы ведь сами сказали, что он должен официально умереть. Раз он больше не сможет служить при дворе, то где ему тогда находиться?

Лоу Цинъянь заранее закрыл лицо руками.

Он вспомнил картины, которые накануне показывала ему система.

"Только бы он не вздумал запереть меня в заднем дворце"

Лу Юй медленно разомкнул губы. Лоу Цинъянь, не дыша, впился взглядом в его лицо, по слогам считывая едва заметное движение:

— За...

В следующее мгновение Лоу Цинъянь рванулся вперёд всем телом и намертво зажал ему рот.

Недоумение на лице Второго боевого дяди сменилось крайним изумлением.

— Лоу Цинъянь, дерзкий мальчишка, что ты творишь?! — прикрикнул старик.

Пытаясь удержать брыкающегося императора, Лоу Цинъянь неловко залепетал:

— Ну... боевой дядя, понимаете, тут такое дело...

Лу Юй тоже потерял терпение. Он резко ухватил Цинъяня за воротник, пытаясь оттащить от себя. В пылу этой возни шёлковое одеяние Лоу Цинъяня съехало в сторону.

— Пусти! — глухо потребовал Лу Юй.

— Сжальтесь надо мной, Ваше Величество, умоляю, замолчите! — взмолился Лоу Цинъянь.

— Да что я такого сказал? — возмутился император.

— Ещё как сказали!

— Погодите-ка... — раздался тихий голос.

Оба спорщика замерли и обернулись.

Второй боевой дядя выглядел так, словно перед ним только что разверзлись небеса. На лице его застыла смесь шока и глубокого потрясения.

— Цинъянь... что это у тебя... на теле?

Лоу Цинъянь опустил взгляд.

Широкий ворот сбился набок, и на бледной коже шеи проступили яркие, более чем красноречивые багровые отметины.

Он поспешно отпрянул, уселся прямо и дрожащими руками принялся запахивать халат:

— Ничего... пустяки...

— Я ведь велел тебе воспользоваться Мазью для Удаления Шрамов? — искренне недоумевая, нахмурился Лу Юй.

— Ма... мазью? — пролепетал оцепеневший старец. — И Его Величество... лично велел тебе... применить её?..

Рот Второго боевого дяди раскрылся так широко, что туда без труда поместилось бы гусиное яйцо. При этом Лу Юй продолжал взирать на почтенного главу ордена с самым честным, невинным и благородным видом.

Лоу Цинъянь бессильно спрятал лицо в ладонях, отчетливо понимая, что его репутации пришёл окончательный и бесповоротный конец.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19817/2007562>